

Глава 1

Я сидела у себя в комнате и читала.

В очередной раз перевернула страницу. Короткий шорох нарушил вечернюю тишину, и дрожащий отблеск свечи упал на изогнутый лист. Ни с того ни с сего у меня закружилась голова, и пальцы явственно ощутили, как от грубовато-шершавой, тонкой бумаги сквозь мою кожу проникают какие-то мощные токи, дурманящие сознание. На миг я будто лишилась рассудка, и в памяти, на фоне минувшего, возникла непрощенная картина самого первого совершенного мною Исцеления.

Дело было жарким летом, в один из тех душных, неподвижных дней, когда легкие тучки, накрывшие равнину и отдаленные холмы, того и гляди разразятся громом, а от каменных стен и голых утесов вот-вот повеет ласковым прогретым воздухом — стоит только подойти поближе. Мы с моим родным братом Алланом заигрались на опасном удалении от фермы и в столь же опасной близости от шоссе: выслежива-

ли кроликов на полях и рыскали по кустам в поисках птичьих гнезд, но все без толку. Мне тогда стукнуло пять лет, Аллану — семь.

В тот день нам и попалась на глаза эта лисица: она лежала в свежескошенной траве под живой изгородью, тянувшейся вдоль раскаленного солнцем асфальта, по которому неслись легковые машины и тяжелые грузовики.

Зверек не двигался; на мордочке запеклась кровь. Аллан ткнул палкой в рыжий бок и заявил, что лиса давно сдохла, а я все смотрела, смотрела, смотрела — и убеждалась: она еще оживет. Сделав шаг вперед, я нагнулась, подняла ее с земли, прижала к груди и зарылась носом в мех.

Аллан брезгливо фыркнул: всякий знает, что у лисиц полно блох.

Но я чувствовала токи жизни, которые пронизывали и меня, и этого зверька. Во мне росло какое-то напряжение, ничем не напоминавшее сдерживаемую злость: оно проклюнулось, пустило ростки, зацвело, а потом хлынуло наружу, сверкнув ослепительным лучом бытия.

Животное вздохнуло и шевельнулось у меня в руках.

Через мгновение лиса уже заворочалась, и я опустила ее на прежнее место; она поднялась на ослабевшие лапы, вздрогнула и, с трудом ворочая головой, огляделась. При виде Аллана рыжая тявкнула и тотчас одним прыжком скрылась в канаве под живой изгородью.

Аллан, готовый зареветь (даром что мальчишка, да еще на два года меня старше), в ужасе вытаращил глаза. На скулах, под ушами задергались мышцы. Выронив палку, мой брат с дикими воплями бросился по колючей стерне в сторону фермы.

Я осталась одна — в неописуемом восторге.

Позже, много позже, оглядываясь на тот яркий миг детства с высоты более зрелого возраста, я во всех подробностях (так мне казалось) припомнила поднятую из травы лисицу и в тревоге задумалась: если мне присущ такой Дар, действует ли он на расстоянии?

... Головокружение отступило, перевернутая страница ровно улеглась на прочитанную. Дар памяти, который доступен всем и, конечно же, действует на расстоянии, вернул меня к настоящему и, хотя тогда это было мне невдомек, положил начало моей собственной истории.

* * *

Пора представиться: мое имя — Исида. Обычно меня называют Айсис или просто Ай. Я — ласкентарианка.

* * *

Начну по порядку — с того дня, когда мой дед Сальвадор, наш Основатель и Блюститель, получил письмо, давшее толчок разнообразным событиям, о которых я собираюсь здесь рассказать: это был первый день мая 1995 года, и все члены нашего Ордена уже вовсю готовились к Празднику любви,

приходившемуся на конец месяца. Праздник этот, отмечаемый раз в четыре года, был чреват — для меня одной — особыми последствиями, которые не давали мне покоя; по этой причине я испытывала только облегчение и совершенно не печалилась от того, что мне предстояло выйти за пределы Общины и совершить еженедельный поход в Данблейн, точнее, в тамошний собор, известный своим органом фирмы «Флентроп».

Наша обитель находится в излучине реки Форт, в нескольких милях от города Стерлинга, выше по течению. Река, возникающая из слияния мелких ручьев у самого Аберфойла, петляет, будто коричневый шнурок, случайно оброненный Создателем на древние пойменные земли, образующие восточный бок узкой шотландской талии. Русло изгибается и вьется в причудливых ужимках, то поворачивает назад, то рвется в сторону, соединяя низину Гарганнок на юге с длинной безымянной грядой приземистых, поименованных по отдельности холмов на севере (мне милее всего возвышенность Слаймабэк — одно название как звучит!); река, постепенно расширяясь, протекает через Стерлинг и змеится дальше, до Аллоа, где становится полноводной, как море.

В наших краях река достигает изрядной глубины, но не подвержена действию приливов; когда нет дождей, течение ровное; вода частенько становится илистой, но русло при всем том неширокое — любой мальчишка добросит камень с одного скользкого, заросшего тростником берега до другого.

Возвышенный мыс, на котором мы живем, зовется Верхне-Пасхальное Закланье. Особняк, сооруженный в викторианскую эпоху, фермерский дом, сложенный еще раньше, надворные постройки, сараи, навесы и оранжереи, а также многочисленная заброшенная техника, в которой при необходимости можно устроить спальню, склад или парник, — все это хозяйство размещается на одной половине из пятидесяти с лишним акров, ограниченных речной излучиной; вторую половину занимают два выпаса для коз, обнесенный стеной яблоневый сад, сосновый лес, лиственная роща, а на самом берегу, где старинное имение спускается к воде, среди илистых впадин привольно разрослись травы, кусты, камыши и гигантский бурьян.

В Общину можно попасть с южной стороны, по железному арочному мосту, на двух главных опорах которого просматривается неопознанный герб и дата: 1890. Когда-то по мосту свободно ездил трактор (сама видела фотографии), но теперь деревянное перекрытие сильно прогнило, а кое-где сквозь изъеденные балки даже виднеются бурые водовороты. Узкий настил из грубо сколоченных досок служит пешеходной дорожкой. По другую сторону моста, как раз напротив Общины, стоит на высоком берегу, в окружении стайки платанов, небольшой дом с башенкой — там проживает мистер Вудбин с дочерью Софи. Мистер Вудбин работает у нас садовником, но дом принадлежит ему на правах собственности: поместье Верхне-Пасхальное Закланье было даро-

вано моему деду и в его лице всей Общине покойной женой мистера Вудбина, с той лишь оговоркой, что дом с башенкой сохраняется за дарительницей и ее наследниками. Шутки ради я величаю Софи укротительницей львов, хотя официально ее должность называется «смотритель». Работает она в сафари-парке, расположенном в нескольких милях за полями, недалеко от Доуна.

За домом Вудбинов петляет среди зарослей никчемная подъездная аллея. Ее охраняют высокие, накрепко скованные ржавчиной ворота, у которых, на покрытой гравием полукруглой площадке, Софи оставляет свой «моррис-майно», когда приезжает домой; здесь же паркуется почтальон, доставляющий корреспонденцию. На подъездную аллею можно попасть через неприметную калитку сбоку от ворот.

С северной стороны, где шнурок извилистого речного русла почти смыкается сам с собой, пригорок сбегает к заброшенной железнодорожной ветке Драймен—Бридж-оф-Аллан, а там стена буйных зарослей отделяет нас от главной части общинных угодий — ровного лоскутного одеяла плодородных орошаемых земель площадью в две тысячи акров. Через железнодорожное полотно перекинут шаткий пешеходный мостик, оставшийся с прежних времен; мой путь к собору в то солнечно-туманное утро понедельника предстояло начать именно здесь, но перво-наперво полагалось совершить утреннюю трапезу.

* * *

Средоточием нашей мирской жизни служит длинный деревянный стол в кухонной пристройке старого фермерского дома, где в печи полыхает открытое пламя — вечный огонь домашнего очага. Печка темным пятном прикорнула в углу, как старая сонливая собака, от которой исходит тепло и уютный запах псины. В это время года кухня по утрам освещается трепетными солнечными лучами, проникающими сквозь широкие окна пристройки; здесь толчется масса народу — мне даже пришлось перешагнуть через Тэма и Венеру, которые устроились с игрушечным деревянным паровозиком прямо у порога. Стоило мне войти, как они подняли головы.

— Светлейшая Айсис! — напевно выговорил Тэм.

— Ветлейся Ай-Сись! — пролепетала младшая.

— Брат Тэм, сестра Венера, — приветствовала малышей, кивая им с преувеличенной торжественностью.

Они смущенно захихикали, а потом вернулись к игре.

Брат Венеры, Питер, спорил со своей матерью, сестрой Фионой, выясняя, не сегодня ли банный день. Они тоже на время прервались, чтобы со мной поздороваться. С порога двери, ведущей во двор, мне кивнул брат Роберт, который раскуривал трубку, перед тем как пойти в конюшню, цокая подбитыми сапогами по каменным плитам. Вокруг стола

с визгом и воплями носились Клио с Флорой: Клио вооружилась деревянным половником и пыталась догнать старшую сестру, а следом, выпучив глаза и свесив длинный розовый язык, трусил наш колли по кличке Матрос. («Дочки...» — пыталась урезонить девочек их мать, Гея, и даже оторвалась от шитья праздничных флажков, но при моем появлении не забыла пожелать мне доброго утра. Самая младшая из ее дочерей, Талия, стояла тут же, на лавке, что-то лопотала и хлопала в ладошки, глядя на расшалившихся сестер.) Девчонки с криком бежали прямо на меня, пес перебирал лапами по кафельным плитам, и я попятилась к теплой металлической печке, выкрашенной в черный цвет.

По замыслу печь была рассчитана на твердое топливо, но теперь топится метаном, который поступает из баллонов, скрытых под землей во дворе. Если огонь с подвешенным сверху гигантским закопченным чайником — это наша неугасимая святыня, то печь — алтарь. Так повелось, что за печью следит моя двоюродная тетка по имени Каллиопа (свои зовут ее Калли) — смуглая, крепко сбитая, глуповатая с виду женщина; у нее сумрачные черные брови и стянутый на затылке сноп не тронутых сединой, черных как смоль волос, хотя ей уже стукнуло сорок четыре. У Калли чисто азиатская внешность: можно подумать, ей не достались европеоидные гены моего деда.

— Гайя-Мари, — обратилась она ко мне, подняв голову от стола. (Калли всегда называет меня по первой части моего полного имени.)

По доске так и сновал ее начищенный до блеска нож для овощей. Калли выбралась из-за стола и поцеловала протянутую мной руку, но тут же нахмурилась, заметив, дорожную куртку и шляпу.

— Никак уже понедельник? — Качая головой, она вернулась на лавку.

— Конечно, — подтвердила я, опуская шляпу на стол, и положила себе порцию каши из чугунок.

— Сестра Эрин уже позавтракала, Гайя-Мари. — Калли продолжала крошить овощи. — Просила передать, что тебя вызывает Основатель.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо.

Сестра Анна, которая дежурила за завтраком, оставила решетку для тостов над огнем и стала хлопотать вокруг меня: полила кашу ложечкой меда, проследила, чтобы мне достались два поджаренных ломтика хлеба с маслом и сыром, и мгновенно подала крепкий чай. Я поблагодарила и присела рядом с Касси. Напротив сидел ее брат-близнец, Пол. Они расшифровывали кривую телефонных разговоров.

Эти видные собой близнецы — старшие дети Калли; от матери они унаследовали восточную смуглость, а от отца, которого зовут брат Джеймс (он приходится мне дядей; в последние годы миссионерствует в Америке), — саксонские черты лица. Мы с близнецами ровесники, нам по девятнадцать лет. Когда я села, они тут же вскочили. Торопливо дожевав хлеб с маслом, оба сказали: «Доброе утро» — и возобновили свое занятие: развернули внушительную распечатку, вынутую из самописца,

и стали подсчитывать на графике пики, преобразовывать их в точки-тире и группировать так, чтобы получались буквы.

График обычно приносит кто-нибудь из детей: они каждый вечер бегают за ним к Вудбинам. На протяжении нескольких лет это было моей обязанностью: как-никак близнецы на полгода старше, и хотя я — Богоизбранница, меня воспитали надлежащим образом, в строгости и благочестии, а также приучили к смирению, заставляя выполнять несложные повседневные дела.

С наслаждением вспоминаю, как я ходила за этой распечаткой. Конечно, в ненастную погоду тащиться через железный мост — радости мало, особенно в непроглядную зимнюю тьму, с раскачивающимся на ветру фонарем в руке, да еще когда под ногами гнилые доски, а внизу — черная река; зато у Вудбинов меня обычно ждала награда в виде чашки чая с конфетой или печеньем. Посещение их дома само по себе было сказкой: в каждом углу горели яркие электрические лампочки, а старенькая радиолка наполняла гостиную звуками радиопередач или музыкальных записей (кстати, мистер Вудбин, который, так сказать, сочувствует нам в вопросах веры, принципиально не покупает телевизор — здесь он идет навстречу моему деду, который не приемлет напичканный электроникой мир).

Мне всегда наказывали не задерживаться у них в доме, но, как и все прочие, кого посылали за распечаткой, я не могла противиться соблазну: каждый

раз меня тянуло войти в этот яркий, заманчивый свет и послушать незнакомую, далекую музыку, разрываясь от смешанного чувства неловкости и замороженности, которое охватывает молодых ласкентарианцев при встрече с современной техникой. Кстати, именно здесь я познакомилась с Софи Вудбин, которая стала, можно сказать, моей лучшей подругой (даже более близкой, чем кузина Мораг), хотя живет среди Слабых Духом и принадлежит, как выражается мой дед, к «полуспасенным».

Касси отчеркнула следующую группу сигналов и взглянула на высокие часы, задвинутые в угол.

Почти шесть утра. Если в распечатке не обнаружится ничего срочного, брат Малькольм вот-вот призовет близнецов на поле, где уже трудилось человек двенадцать членов нашего Ордена. В дальнем конце стола сгрудились первоклашки: они с набитыми ртами списывали друг у друга домашнее задание, чтобы управиться к тому времени, когда придется, по звонку брата Калума, бежать в особняк на уроки. Ребята постарше, думаю, еще спали: до автобуса, который отвозил их в Киллеарн, в гимназию «Герхардт», оставалось целых полтора часа. Астар, родная сестра Калли, по обязанности следила, чтобы каждый застелил постель и сдал белье в стирку, а ее сын Индра в такое время обычно занимался водопроводными или столярными работами, если не присматривал за брожением праздничного эля, который дозревал в пропахшей хмелем пивоварне — это сарай за изгородью, куда упирается западный угол двора. Мой старший брат Аллан почти

наверняка уже сидел в общинной конторе, также размещившейся в особняке, — занимался бухгалтерией фермерского хозяйства и поручал сестре Бернадетте и сестре Аманде отпечатать письма.

По окончании завтрака я отдала посуду брату Джайлсу, который дежурил по кухне, сказала всем общее «до свидания» (сестра Анна опять засуетилась и стала совать мне в карман яблоко и два куска пакоры с хаггисом, завернутых в вощеную бумагу) и направилась через двор к особняку. Утренняя дымка почти рассеялась и не застила голубое небо. Из прачечной валил пар; сестра Вероника, тащившая на бедре тяжелую корзину с бельем, окликнула меня и помахала рукой. Я помахала в ответ ей, а заодно и брату Артуру, который держал одну из наших лошадей клейдесдальской породы, пока брат Роберт и брат Роберт Б. прилаживали упряжь.

Мужчины подозвали меня взглянуть на конягу. Этот тяжеловоз-клейдесдаль по прозвищу Дабби отличается уникальной статью и столь же уникальной ленью. Два Роберта опасались, что конь захромал, но не были уверены.

У меня есть подход к зверью, равно как и к людям, и если можно говорить о том, что в Общине на меня возложены хоть какие-то обязанности, то они состоят в исцелении некоторых болячек, увечий и недугов — как у четвероногих, так и у двуногих.

Мы распрягли коня и немного поводили по кругу; я похлопала его по бокам, взяла в ладони крупную морду, потерлась щекой, поговорила; из черно-розо-

вых ноздрей на меня пахнуло сладковатым запахом сена. В конце концов Дабби кивнул, высвободился и задрал голову, оглядываясь вокруг.

— Как огурчик! — засмеялась я и поспешила в особняк.

Это, конечно, очень громкое название для того жилища, что поставил на месте старого дома отец мистера Вудбина в начале прошлого века. В отличие от первоначальной постройки из грубых, неотесанных каменных глыб, он сложен из аккуратных розово-серых плит песчаника и не нуждается в побелке; в нем три этажа и много света. Лет шестнадцать назад от него остались только стены — тогда при пожаре погибли мои родители, но позднее мы его отстроили заново.

В вестибюле, стоя на четвереньках, натирали полы двое крепких светловолосых американцев: брат Элиас и брат Хэрб. В воздухе витал чистый, горьковатый запах мастики. Элиас и Хэрб — новообращенные: узнав о нашей Общине от брата Джеймса, миссионера, они перебрались сюда жить. Подняв лица, оба сверкнули широкими, идеально белозубыми улыбками, за которые, как они нам рассказали (мне даже показалось, не без гордости), родители каждого выложили не одну тысячу долларов.

— Исида... — начал Элиас.

— *Светлейшая*, — прыснул Хэрб, не сводя с меня глаз.

Я тоже улыбнулась и сделала знак Элиасу продолжать.